

Счастливцев Роман Алексеевич

кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры философии
Московского государственного педагогического
университета

Маслаков Андрей Сергеевич

кандидат философских наук,
доцент кафедры философии
Московского государственного педагогического
университета

ЭТАПЫ МОДЕРНИЗАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

Аннотация:

Внимание авторов статьи сфокусировано на феномене исторического сознания (историзма), условием возникновения которого выступает понимание человеком конечности и изменчивости своего бытия – осознание времени. Предложена характеристика этапов развития исторического сознания: мифологического, традиционного, классического, неклассического и постклассического, каждый из которых обладает особыми специфическими чертами.

Ключевые слова:

историзм, историческое сознание, история, модернизация, этап, время, традиция, миф, идеология.

Schastlivtsev Roman Alekseyevich

PhD in Philosophy,
Assistant Professor,
Philosophy Department,
Moscow State Pedagogical University

Maslakov Andrey Sergeyevich

PhD in Philosophy,
Assistant Professor,
Philosophy Department,
Moscow State Pedagogical University

THE STAGES OF HISTORICAL AWARENESS MODERNIZATION

Summary:

The article focuses on the phenomenon of historical awareness (historicism), precondition of which is human understanding of their finitude and variability of life – awareness of time. The authors suggest description of the stages of historical awareness development: mythological, traditional, classical, non-classical and post-classical, each of which has specific features.

Keywords:

historicism, historical awareness, history, modernization, stage, time, tradition, myth, ideology.

Понятие «модернизация» употребляется нами в контексте статьи не совсем в традиционном смысле. Речь пойдет о «модернизации времени» и, как следствие, исторического сознания. Модернизация (как «осовременивание») времени представляет собой постепенное осознание человеком своей собственной «внутренней» и «внешней» временности, формирование умения жить со временем и во времени, адаптацию его к себе и себя к нему. Жить во времени означает признать собственную конечность, то есть смерть. Понимание человеком необходимости времени составляет историю явления времени, его феноменологию и модернизацию. Таким образом, осознание прошлого порождает историю (как воспоминание о прошлом, его понимание) и историческое сознание.

Историческое сознание имеет, условно говоря, три уровня: а) первичный (мифологический, мифопоэтический, «почвенный», обыденный), б) идеологический (государственный) и в) научно-философский [1, с. 236]. Идеологический историзм является смысловым ядром исторического сознания *per se*. Он обеспечивает единство общества во времени как единство прошлого – настоящего – будущего. Его взаимодействие с «почвенным» историзмом обнаруживается, например, в концепции божественно-мистического происхождения власти. С более высоким уровнем – научно-философским историзмом – он связан, например, через рациональную концепцию общественного договора или «теорию официальной народности». Научно-философский историзм обеспечивает рациональное обоснование и рефлексивность исторического сознания, задает цели и обобщает исторический опыт.

В процессе «модернизации историзма» (исторического сознания) можно выделить несколько этапов: 1) мифологический (первичный или нулевой) историзм, 2) традиционный историзм, соответствующий историческому сознанию традиционного общества, 3) классический историзм Нового времени, 4) неисторизм XX в. и 5) постисторизм конца XX – начала XXI в. [2, с. 240].

1. Мифологический историзм.

Время рождается и проявляется в мифологическом сознании неявно, оно структурно вплетено в мифологический рассказ-нарратив, но прообраз истории, историчности здесь уже присутствует [3, с. 117–118]. Рассказ как последовательное повествование о взаимосвязанных собы-

тиях имеет структуру времени, наполненного событиями, то есть зафиксированными действиями, предполагающими наличие как наблюдателя, так и рассказчика. Речь, однако, идет не столько о рассказе, сколько о мифе. Самоидентификация мифа осуществляется не столько через его содержание, сколько в самом акте рассказывания, единстве рассказа-сказа и ритуала, сопровождающего рассказ и являющегося его неотъемлемой частью. Структура и функция в мифе доминируют над конкретным сюжетом и персонажем, обнажая «безвременность» мифа. В мифологической доисторичности не существует ни субъекта действия (героя), ни формы, ни фиксации, ни оценки действия, то есть актов, превращающих действие в историческое событие.

2. Традиционный историзм.

Здесь доминирует народное историческое сознание, становящееся и развивающееся как преодоление мифопоэтической картины мира, как ее отрицание, говоря гегелевским языком. Возникает идеологический историзм, который, правда, опирается на мифологическое и религиозное мировоззрение. Время, хотя и начинает мыслиться единым и объективным, предельно замедленно, спонтанно дискретно. Этап традиционного историзма для европейского исторического сознания имеет смысл дополнительно разделить, условно говоря, на эпический, античный и средневековый периоды.

2.1. Эпический историзм.

В эпический период разложение мифологического сознания создает условия появления собственно истории: письменность, государство, теоретическое знание. Событие прошлого должно быть отмечено, зафиксировано, то есть оформлено, записано, помещено в систему общественного сознания. В эпосе уже просматриваются зачатки временного и исторического сознания [4] и, по сути, формируются его основы. Правда, историческая идеология первых государственных образований все еще носит религиозно-мифологический характер: не просто власть как институт имеет божественное происхождение, но и сам властитель как ее носитель и олицетворение является богом (полубогом) либо потомком бога. Тогда же возникают первые своеобразные концепции историзма [5].

2.2. Античный историзм.

Зачатки рационального исторического сознания, появляющиеся в этот период, связаны прежде всего с возникновением и функционированием такого института, как полис. Утверждаются естественные принципы и законы как пока еще самые простые зафиксированные в общественном сознании социально-исторические зависимости и связи. В этот период расцвета и начала разложения классического полиса появляется «История» – еще в значении «исследование», «наука» – Геродота, который открывает новый жанр повествования, отличающийся особым вниманием к фактам, организованным, однако, довольно хаотично [6, с. 18–26]. Уже Фукидид отказывается от религиозно-мифологических объяснений в истории, поскольку, с его точки зрения, социальное бытие во времени творят люди, а человеческая природа неизменна. В трудах римских историков появляется глобально-имперское мировоззрение – Рах Romana. Их методологические принципы оставались теми же, что у греков; как и у греков, здесь почти отсутствует критика источников, а все та же неизменная человеческая природа по-прежнему служит основой исторического объяснения.

2.3. Средневековый историзм.

Средневековое теоцентристское монотеистическое мировоззрение определяет трансцендентное измерение истории, постоянно сопоставляя ее как временную длительность с божественной вечностью. За счет этого историческое сознание серьезно модифицируется: уже в трудах Августина появляется абстрактно-философское объяснение и обобщение фактов, цикличное историческое время античности становится линейным, формулируется глобальная хронология и периодизация [7, с. 49–56; 8, с. 91–98]. Своеобразной платой за модернизацию стали воскрешение мистицизма и провиденциализма и сопутствующая им деградация научности.

3. Классический историзм.

Модернизация традиционного историзма начинается с устранения священо-мистического основания истории в эпохи Возрождения и Просвещения. С одной стороны, ренессансные гуманисты, а позднее и просветители вернулись к пониманию истории как результата деятельности великих людей. С другой стороны, появляется и развивается социально-исторический критицизм, подкрепляемый практикой критического анализа источников. Последняя придала историческому исследованию научный статус. Доминирует идея прогресса: человеческой природы, разума и чувственности. Именно она составляет основу истории и ее рациональных интерпретаций. Важнейшими явлениями Нового времени стали гегелевская и марксистская системы философии истории, а также исследования французских и немецких историков XIX в. История была понята и представлена как единый процесс общественного развития, сущность которого заключается в нем самом. Однако господствовавшая во второй половине XIX в. позитивистская методология принципиально отказалась как от поисков подобной основы («сущности») истории, так и

от любых форм ее конструирования [9, с. 122–128]. Поэтому единство истории обеспечивалось вполне традиционными методами: через понимание ее как последовательности событий и фактов. Назрел «кризис события» [10, с. 114–130].

4. Неоисторизм (неклассический историзм).

Преодоление этого кризиса произошло на новом этапе модернизации историзма. С этого начинается разрушение классического исторического сознания и его трансформация в неклассическое. Указанная модернизация была прежде всего связана со Школой «Анналов», в рамках которой были радикально поставлены проблемы исторического синтеза и ментальности в истории. История понимается не как цепь событий, а как комплекс проблем, поэтому, во-первых, историк должен оперировать прежде всего историческими структурами и целостностями, во-вторых, изучаемая эпоха должна рассматриваться в контексте всех факторов. Историк начинает работу с исследования среды, условий, в которых жили люди, средств коммуникации, состояния техники, плотности населения, продолжительности жизни и т. д., а заканчивает изучением искусства, философии и политики. Системное единство различных уровней и слоев истории обеспечивается ментальностью – универсальным связующим звеном между социальной и духовной историей. Важным инструментом исследования является анализ языка источников, изменений значений слов, семантических сдвигов и т. д. [11, с. 60–62]. Покинуть пределы своей ментальной культуры невозможно. Историк в поисках указанной обусловленности, таким образом, приходит к объективности в познании истории.

5. Постисторизм (постклассика).

Появление постисторизма тесно связано с постструктурализмом и постмодернизмом. Постисторизм отказывается от «больших нарративов» в пользу микроистории, частично продолжая традицию неоисторизма XX в. При этом работа историка сближается с работой писателя (автора нарратива, рассказчика), а сама история (history) – с анекдотом в его традиционном понимании (story). Историческое повествование становится поэтическим и метафорическим, а в перспективе даже мифопоэтическим [12]. Проблема объективности здесь как таковая не ставится, да и не может быть поставлена, поскольку исторический текст становится не повествованием о фактах (хотя отдельные «пропозиции» могут сохранять эту черту и даже характеризоваться с точки зрения классической корреспондентной концепции истины), а «рассказом», который не может и не должен соотноситься с каким-либо объектом и иметь объективное содержание. Историк не столько описывает прошлое («как оно было на самом деле»), сколько конструирует смысловое пространство текста.

Таким образом, историческое сознание в рамках собственной модернизации делает своеобразный круг – от классического мифа оно вновь возвращается к мифопоэтическому пониманию прошлого, от попыток представить прошлое как реально существующий, пусть и весьма своеобразный, объект к метафорическому конструированию прошлого в настоящем.

Ссылки:

1. Счастливцев Р.А. Эволюция историзма и формирование исторического сознания // Преподаватель XXI век. 2015. Т. 2, № 1. С. 235–241.
2. Там же. С. 240.
3. Кассирер Э. Философия символических форм : в 3 т. Т. 2. Мифологическое мышление. М. ; СПб., 2002.
4. Лосев А.Ф. Античная философия истории. М., 1977.
5. Там же.
6. Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография / пер. и коммент. Ю.А. Асеева. М., 1980.
7. Там же. С. 49–56.
8. Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1979.
9. Рикер П. Время и рассказ / пер. Т.В. Славко. М., 2000.
10. Там же. С. 114–130.
11. Гуревич А.Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». М., 1993.
12. См., например: Анкерсмит Ф.Р. История и тропология: взлет и падение метафоры / пер. с англ. М. Кукарцева, Е. Коломоец, В. Кашаев. М., 2003.

References:

- Ankersmit, FR 2003, *History and Tropology: The Rise and Fall of Metaphor*, Moscow, (in Russian).
Averincev, SS 1979, *Poetics early Byzantine literature*, Moscow, (in Russian).
Collingwood, RJ 1980, *The idea of history, Autobiography*, Moscow, (in Russian).
Gurevich, AY 1993, *Historical synthesis and School "Annals"*, Moscow, (in Russian).
Kassirer, E 2002, *Philosophy of symbolic forms: in 3 vols., vol. 2, Mythological thinking*, Moscow, (in Russian).
Losev, AF 1977, *Ancient philosophy of history*, Moscow, (in Russian).
Ricker, P 2000, *Time and narrative*, Moscow, (in Russian).
Schastlivtsev, RA 2015, 'Evolution of historicism and the formation of historical consciousness', *Prepodavatel' XXI vek*, vol. 2, no. 1, pp. 235-241, (in Russian).